

*Анастасия Викторовна Назарова,
Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет, сотрудник кафедры
истории новейшей русской литературы и
современного литературного процесса,
кандидат филологических наук*

«Свой среди чужих»: белогвардеец в Красной армии (роман Е.Н.Чирикова «Зверь из бездны» и воспоминания И.Г.Савченко «В красном стане»)

Имена Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932 гг.) и Ильи Григорьевича Савченко (1889–1961 гг.) почти неизвестны современному российскому читателю. Но если творческое наследие первого постепенно «возвращается» и регулярно становится объектом внимания исследователей литературы, то тексты последнего до сих пор не переизданы в России и в данной работе анализируются впервые. Оба писателя, ставшие свидетелями революции и Гражданской войны, покинули Россию в 1920 г. Пройдя череду скитаний, оба художника оказались в Чехословакии, откуда Савченко в середине 20-х перебрался во Францию, где сотрудничал в газете «Последние новости», журналах «Голос минувшего на чужой стороне» и «Борьба за Россию», написал книгу «Война красных и белых. Восстание на Кубани», которая вышла на французском языке в 1929-м. О переезде в Париж думал и Чириков, но разгоревшийся после публикации его романа «Зверь из бездны» скандал в русскоязычной эмигрантской среде вынудил его отказаться от этой мысли и остаться в Праге.

Хотя сведений о личном знакомстве художников или их откликах о произведениях друг друга нет, однако сходная сюжетная коллизия в текстах обоих – пребывание белогвардейца в стане красных – и ряд общих мотивов наводят на мысль о сопоставлении взглядов авторов на события 1918–1920 годов на юге России. Произведения Чирикова и Савченко были написаны буквально по «горячим следам» («В красном стане» – в Галлиполи в 1920-м, «Зверь из бездны» – в Праге в 1922-м) и содержат яркие картины буквально перевернувшейся с ног на голову жизни Крыма и Кубани после появления на этих землях большевиков. В своих текстах оба писателя задались целью «рассказать, какой кошмар и ужас представляет братоубийственная междоусобица»¹. Однако чем объясняется выбор каждым из них столь непривычного ракурса изображения общегражданского противостояния? Можно предположить, что взгляд человека, оказавшегося по тем или иным причинам по ту сторону фронта, позволил художникам дать максимально беспристрастный анализ причин поражения Белой

армии и найти ответ, почему, несмотря на грабежи и насилие со стороны большевиков, народ все же последовал за ними. В таком случае, в чем причина неодинаковой реакции, которую эти тексты вызвали в эмигрантском сообществе? Если Чириков за свой роман подвергся общественному остракизму, против него была развернута целая кампании в эмигрантской печати², то Савченко эта участь миновала. Более того, критики высоко оценили художественные качества очерков последнего³, тогда как литературные достоинства «Зверя из бездны», по их мнению, были незначительными⁴.

В обоих произведениях обстоятельства «внедрения» героев Чирикова и Савченко в красный стан схожи: оно происходит в госпитале, куда каждый из них попадает в результате отступления белых. В «Звере из бездны» поручик Владимир Паромов, спасаясь от преследования, присваивает документы убитого им красногвардейца, но оказывается арестован казаками. Только чудом он остается жив после расстрела при их отходе со станции и попадает в лазарет красных. Заболевший тифом и отправленный с фронта в госпиталь герой Савченко вместе с сотнями товарищей по несчастью оказывается в плену после ухода Добровольческой армии из Екатеринодара. И здесь каждый из героев видит чудо превращения «красного зверя» в человека, в которое им поначалу верится с трудом: «Смотришь на <...> преображенного и изумляешься: он ли это, кровожадный зверь, говорит и делает? Гипноз злобы и ненависти, владеющий толпой, теряет свою силу над человеком, и поруганная любовь грустно выглядывает из его души», – размышляет поручик Паромов⁵. Ожидавший немедленной казни герой Савченко, общаясь с соседом по палате, удивляется: «Да красные ли это? <...> Пришли и не убивают? <...> Кто же эти люди, с которыми я дрался два с лишним года <...>? Что они думают, во что верят?.. Вот они лежат тихие, усталые. У моего соседа такое хорошее честное лицо и глаза, которым должна быть противна кровь. Быть может, они не так плохи?»⁶.

Пребывание героев Чирикова и Савченко внутри вражеского стана позволяет каждому внимательно присмотреться к противникам и составить более объективное мнение о них, что влияет на последующие решения и действия белогвардейцев. Пролежав два месяца в лазарете красных,

поручик Паромов полностью утрачивает прежнюю ненависть к ним, поскольку осознает, что в большинстве своем все они «несчастливые, сбитые с толку люди, часто хорошие и добрые, часто обманутые мечтатели, подневольные рабы с винтовками, частью фанатики и маньяки, прочитавшие только одну умную книгу о революции», около которых «много всякого человеческого хлама и мусора жизни»⁷. Так в романе Чирикова возникает мотив обмана и «дьявольской провокации», жертвой которых стал весь русский народ. Прозревший Паромов начинает искать путь, который спасет его от необходимости убивать «слепых и обманутых»⁸.

Тема обмана и провокации присутствует и в тексте Савченко, но в ином ракурсе. В беседе сосед-красноармеец раскрывает герою подлинное отношение верхов Красной армии к солдатской и в целом народной массе: «Народ безлик, народ это стадо <...> мы делаем насилие над психикой русского человека, но это насилие творится <...> для счастья насилуемого трудового народа»⁹. Но результатом «благотворного насилия» становится не появление в красной солдатской массе «критически мыслящих личностей», о чем мечтает раненый сотрудник политотдела, а «чрезвычайка», которая превратилась в неподконтрольное никому «государство в государстве», самочинно расправляющееся не только с врагами Красной армии, но даже с самими чекистами, «если только будет хоть тень подозрения в измене революции»¹⁰. Подобно чириковскому «зверю из бездны» в тексте Савченко она выступает символом бескрайнего разгула насилия, которое невозможно остановить «ни пулями, ни снарядами»¹¹. И если героя Савченко удивляет, как могли столь идейные, подобно его соседу, люди «с гигантскими планами о перевоспитании всего человечества»¹² породить чудовище, с которым сами же не могут справиться, то Чирикову такой итог представляется закономерным.

Рисуя в «Звере из бездны» страшные картины всеобщей ненависти и братоубийства, он показал, что главной причиной пробуждения «звериного» даже в самых благородных людях становится узаконенная на Гражданской войне возможность безнаказанно убивать, и предъявил моральный счет всем, кто обагрил свои руки кровью. В романе Чириков выразил свою позицию предельно четко: «Во имя чего убивать? И

кого убивать? <...> Во имя родины? Но родина прежде всего в твоём народе, стало быть, во имя родины убивать родину?»¹³. Но в эмигрантском сообществе позиция писателя не была понята и принята. Представители большинства существовавших в эмиграции идейно-политических течений увидели в книге Чирикова лишь клевету на Белую армию. Писатель же принципиально не вставал ни на чью сторону и хотел показать, что в произошедшем с Россией виновна не только кучка революционеров, но и сами изгнанники. Позднее, в итоговом романе-семейной хронике «Отчий дом» он показал, что укоренение большевистской идеологии стало следствием пронизавшего насквозь все слои русского общества в последней четверти XIX-го – начале XX веков, будь то либерально-демократическая интеллигенция, дворянская аристократия, царское окружение или крестьянство, морального релятивизма, повлекшего за собой разрушение семейных устоев и утрату христианских ценностей.

Моральный релятивизм современников обнаруживает и герой Савченко, но в его очерках речь идет прежде всего в сознательном неучастии обитателей казацких станиц в борьбе с наступающей Красной армией, которое они объясняют так: «Нам <...> не с руки больше воевать, потому что Деникин не казак, а русский и русским он дает волю распоряжаться на казачьей земле. <...> И с большевиками нам, казакам, не пристало дружбу водить. Это тоже не казачье войско, а русское. <...> Соберем молодецкую Сечь <...> и не пустим ни белых, ни красных. <...> Пусть себе дерутся, кому охота драться, а с Кубани хватит!»¹⁴. Однако такой «нейтралитет» обернулся в итоге против них. Изгнание деникинских частей привело к укреплению позиций Красной армии, в результате чего она тут же «начала насаждать <...> советский строй на Кубани», а ее защитники вынуждены были покинуть родной край. Отказ кубанцев воевать воспринимается героем Савченко с горечью и укрепляет в убеждении продолжить борьбу с врагами, что второй раз

приводит его в красный стан, но уже в качестве лазутчика с целью сбора сведений для будущего восстания.

Мысль о том, что устранившись от участия в Гражданской войне невозможно и неправильно, разделял и Чириков, но пришел к иному выводу. Идея «вооруженного нейтралитета» не привлекает его героя, поскольку поручик Паромов быстро убеждается, что, не желая принимать участие в резне и скрываясь в горах, «зеленые» рано или поздно сами вступают на путь грабежа и насилия, так как вынуждены добывать себе пищу и кров, а сделать это можно, только отняв необходимое у местных жителей. Кроме того, идею «зеленого» отшельничества компрометируют «прилипающие к нему <...> всякие темные элементы, действительные разбойники, бездельники, вскормленные многолетним военноподобным образом жизни с его грабежами и легкой поживой»¹⁵.

Но в отличие от героя Савченко поручик Паромов (а вместе с ним и автор) приходит к выводу, что изгнать из души «зверя» с помощью оружия невозможно, поскольку он, «как сказочный дракон: вместо каждой отрубленной головы у него вырастают две новые»¹⁶. Убить его может только любовь к ближнему. И эта мысль дает писателю надежду на примирение и будущее возрождение России несмотря на трагическую развязку и гибель поручика, тогда как в тексте Савченко приход большевиков на юг России воспринимается как необратимая катастрофа, которая привела к уничтожению многовекового уклада вольной казацкой жизни. Судьба же самого героя, который после разоблачения лишь чудом сумел бежать, остается неопределенной. Тем не менее, для эмигрантской общественности более приемлемой оказалась трактовка причин победы большевиков, которая была предложена Савченко, чем требовавшая от оказавшихся в изгнании соотечественников покаяния и принятия на себя ответственности за содеянное в прошлом позиция Чирикова.

¹ Чириков Е.Н. *Мой ответ по поводу «Открытого письма к Е.Н. Чирикову» // Возрождение. 1927. № 597 (20 янв.). С. 4.*

² См.: Бобырь А. В. *К истории одной полемики. (Споры среди русской эмиграции о романе Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны») // Вопросы литературы. 1995. № 3.*

³ См.: Савченко И.Г. *В красном стане. Записки офицера // Белый архив. 1928. Кн. II–III. С. 283.*

- ⁴ См.: Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. № 1801(3 нояб.). С. ...; Зайцев К. Грех писателя Чирикова // Русская мысль. 1927. Кн. I. С. 88.
- ⁵ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. М., 2000. С. 517.
- ⁶ Савченко И.Г. В красном стане. Записки офицера // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 192.
- ⁷ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 530.
- ⁸ Там же. С. 531.
- ⁹ Савченко И.Г. В красном стане. Записки офицера // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 192.
- ¹⁰ Там же. С. 195.
- ¹¹ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 531.
- ¹² Савченко И.Г. В красном стане. Записки офицера // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 195.
- ¹³ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 531.
- ¹⁴ Савченко И.Г. В красном стане // Русская мысль. 1923. Кн. IX–XII. С. 138.
- ¹⁵ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 631.
- ¹⁶ Там же. С. 531.

